

УДК 316.42:323:327(510)

Комплексное понимание «китайского региона» как социоприродной системы

Т. Н. Кучинская, В. А. Абрамов

Читинский государственный университет, г. Чита
e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru, abramova3@mail.ru

Статья посвящена комплексному представлению и структурно-функциональному исследованию совершенно нового в научной практике феномена – процесса формирования «китайского региона».

Ключевые слова: глобализация и регионализация, регион, «китайский регион», социоприродная система, территориальная организация региона, региональное воспроизводство, региональные ресурсы, региональные ценности.

Современная миросистема находится в процессе планетарного переустройства и под влиянием, с одной стороны, противоположных, разнополюсных, а, с другой стороны, взаимосвязанных и взаимодействующих тенденций – глобализации и регионализации. Это две неотъемлемые реальности современной ситуационной картины мира. Без их учета невозможно рассмотрение современных явлений, процессов, происходящих в мире, а также анализ и прогнозирование дальнейшего цивилизационного развития человечества.

Современный цикл глобализации характеризуется интенсификацией и масштабностью распространения глобальных проблем, которые создают угрозы не только для регионов в отдельности, но и для существования человечества в целом. Но решение глобальных проблем возможно: с одной стороны, при усилении интернационализации мировой общественной деятельности с укреплением социально-культурных, экономических, политических и иных связей и отношений между регионами; с другой стороны – при усилении процессов регионализации, проявляющихся в интегративности, локализме, самодостаточности, самобытности.

Основной характеристикой-особенностью глобализации является масштабность – проникновение ее влияния буквально во все сферы международного общественного развития – экономическую, политическую, социальную, военно-политическую, культурную, личностную и т. д. В этом смысле современный мир воспринимается как глобальный.

В самом общем виде глобализация – процесс возрастающего целенаправленного воздействия группы наиболее развитых государств на социальную действительность в отдельных странах, обусловившего их специфическую реакцию по обеспечению национальных интересов и безопасности, их

стремление к регионализации. При этом воздействие, по мнению ряда авторов, носит как интегративный (конструктивный), так и дезинтегративный (деструктивный) характер [1].

К числу положительных проявлений глобализационного процесса можно отнести экономические выгоды, получаемые отдельными государствами в процессе интеграции в мировую экономику. Геоэкономический подход способствует зарождению и принятию унифицированного кодекса мирового геоэкономического порядка, содержащего скорректированные системы права и правового регулирования – национальное право, международное право и т. д.

К негативным проявлениям относится неравномерность развития и распределения земельных ресурсов в разных регионах мира. Все больше усугубляется разрыв между «богатыми» и «бедными» странами. Ограниченное число государств посредством различных международных институтов и механизмов получают возможность проводить свою «политическую глобализацию», затрагивающую суверенные права менее развитых субъектов международных отношений.

Можно сказать, что глобализация наших дней – это интернационализация, стандартизация, унификация, обобществление мировой жизни, происходящие именно в планетарном измерении. При этом возрастает тенденция к унификации не только культурно-цивилизационной, но и социально-политической жизни стран мирового сообщества. Результатом глобализации выступает *глобальное пространство*. Его объекты подчиняются единым законам, но не являются одинаковыми, имеют разную динамику и расположение в пространстве.

Особенностью современного этапа глобализации является развитие его фазы информационно-коммуникационной революции, ускоряющей оборот экономико-производственных факторов, а также облегчающей прохождение необходимых постиндустриальным обществам политических идей и знаний, распространение их социальных и цивилизационных ценностей.

Для менее развитых стран специфика современного этапа глобализации заключается в превалировании отрицательных ее последствий над позитивными возможностями. Государства, не являющиеся «спонсорами» глобализации, а пассивно и зависимо вовлекаемые в нее, сталкиваются с рядом отрицательных тенденций этого планетарного явления.

Наиболее масштабное последствие глобализации представляет развал сложившейся системы международных отношений и стремление развитых стран сформировать свой новый однополярный мировой порядок. Но активное неприятие этой направленности меняет трансформацию системы международных отношений в сторону многополюсности, многополярности системы международных отношений. Будущий многополярный мир будет состоять из конкурирующих между собой многочисленных центров силы (регионов).

Глобализация мирового развития, для которой характерны значительный рост и либерализация трансграничных перемещений товаров, услуг и свободного транснационального капитала, интенсивный обмен информацией и тех-

нологиями, привела к «стиранию национальных границ». Государства постепенно утрачивают контроль за экономическими процессами. Правительства трансформируются из главных институтов мирового порядка в институты посреднические, чья роль заключается, прежде всего, в обеспечении связей между все более укрепляющимися локальными, региональными и глобальными механизмами управления. Остро встал вопрос поиска новых средств защиты государственного суверенитета и способов отстаивания национальных интересов на международной арене. Роль государства должна быть определена по-новому, под углом современных критериев, в рамках процесса регионализации.

Регионализация развивается как процесс, параллельный глобализации и противопоставленный ее негативным тенденциям, направленный на обеспечение безопасности (экономической, политической, социокультурной) конкретного региона. Регионализация выступает как механизм защиты национальных интересов от негативных тенденций глобализации и способ решения глобальных проблем на региональном уровне.

Государство-регион в процессе глобализации становится субъектом регулирования глобальных процессов в сфере безопасности, стабильности, экономики, информации, финансов, экологии и др. В качестве этой новой тенденции выступают и региональные отношения внутри государства, и между государствами, когда государство перестает быть единственным посредником этих отношений и все больше выступает в роли основного их регулятора в своих национальных интересах. Государство рассматривается как *регион-квазикорпорация* [2, с. 155–156].

Процесс глобализации усилил роль региональных факторов в общественном мировом развитии. В мировой геополитической системе четко проявляются тенденции формирования региональных группировок, использующих местные социоприродные особенности в качестве фундамента новых стратегий развития.

В современных международных отношениях преимущества получают государства-регионы, способные создать оптимальное соотношение между процессами глобализации и регионализации. Современный мир превращается в мир регионов – новую форму организации жизнедеятельности человека.

Такое направление развития мировой системы предоставляет многим странам шанс, например, Китаю и России, раскрыть свой потенциал развития, внести достойный вклад в мировую цивилизацию. В то же время бросает этим странам и многим развивающимся государствам серьезные вызовы и угрозы их будущему существованию.

Регионализация как парадигма и новый тип научного мышления оперирует на уровне региона – минимальной единицы глобализма, где, собственно, и происходит взаимодействие и взаимосвязь локального, регионального и глобального общественного развития. Регионализация осуществляется на разных уровнях и в разных формах: внутренняя (внутригосударственная) и внешняя (межгосударственная); путем выделения административных регионов внутри страны (регионализация сверху); организация самоуправляемой

общины или появление нового региона внутри существующей региональной системы (регионализация снизу); формирование трансграничных геоэкономических и геополитических регионов и блоков стран (горизонтальная регионализация) и т. д.

Таким образом, проблема регионализации – это проблема выявления общих тенденций и поиска новых рациональных форм организации жизнедеятельности человека и социума в условиях глобализации. Этот парадоксальный процесс отражает усложнение окружающего мира и означает приобретение любым регионом принципиально новых черт, определяющих его превращение из управляемого объекта в саморазвивающийся, самодостаточный субъект.

Современные условия диктуют необходимость поиска совершенно новых подходов к пониманию самой категории «регион», позволяющих наиболее эффективно исследовать сущность и особенности формирования, функционирования и развития современных региональных систем.

Понимание «региона» как комплексной системы, как «множества в единстве» приблизило российских ученых к более широкому и всеобъемлющему представлению данного термина. Системный подход в нем стал столь «популярным», что термин «регион» заменяет понятие «региональная система». В целом понятие «региона» в качестве системы можно считать общепринятым.

Равновесие между природной и социальной составляющими глобальной социозкосистемы зависит от ее превращения в «сферу разума» – *ноосферу*, которая есть ни что иное, как глобальная социоприродная целостность. Регион в подобных исследованиях рассматривается как «единица глобального социоприродного пространства» и «минимальная единица ноосферогенеза», т. е. именно на региональном уровне происходит развертывание, взаимодействие и решение глобальных и локальных проблем.

Как результат, появляются новые исследовательские подходы: «регион» рассматривается как «социоприродная система». Причем этот термин в современной научной литературе имеет множество синонимичных наименований – «социозкосистема», «социально-эколого-экономическая система», «социобиогеосистема», «природно-общественная система» [9; 13, с. 4] и др. Подобные подходы позволяют рассматривать «регион» и в структурном, и в функциональном единстве его природных, социокультурных, эколого-экономических составляющих в рамках одной комплексной системы, при управленческой роли общества (политическая составляющая).

Очевидно, что региональная система, являясь сложодинамической, выдвигает требования к более четкой структуре ее исследования, адекватной этой сложнорорганизованности. В этом плане ближе к самой сути конкретной системности продвинулись отечественные регионоведы Ю. Ф. Абрамов, О. В. Бондаренко, А. Н. Лапшин, В. В. Мантатов [2]. По их мнению, «регион» как социоприродная система по определению обладает тремя фундаментальными качествами: территориальной организацией, ресурсным потенциалом и системой воспроизводства. Причем каждая категория дифференцируется на

отдельные сферы региональной системы в ее социальном и природном единстве. На наш взгляд, этот оптимальный набор образующих элементов для исследования современных регионов должен включать в себя и систему региональных культурных ценностей как важнейший компонент процесса регионализации.

На наш взгляд, именно *социоприродный* подход является наиболее позитивным в плане долгосрочного комплексного представления, прогнозирования и структурно-функционального исследования совершенно нового в научной практике феномена – процесса формирования «китайского региона». Причем этот процесс охватывает не только китайский социум, но и все новое мировое пространство, что позволяет проецировать его как «глобализирующийся китайский регион».

Поэтому с точки зрения данного подхода китайское государство («страна») рассматривается нами как сложная открытая социоприродная система формирующихся внутренних регионов и одновременно как экспансивно развивающаяся глобализирующаяся региональная подсистема системы международных отношений, соответственно обозначаемые понятиями «внутренние регионы Китая», «китайский регион», «глобализирующийся китайский регион», «внутренняя» и «внешняя» регионализация КНР.

Детальное рассмотрение этого процесса требует еще раз уточнения и разграничения понятий «китайский регион» и «внутренний регион Китая». «Китайский регион», как показано выше, выражает сущность интеграционного содержания процесса внешней китайской регионализации, не ограничивающегося рамками государства и целенаправленно расширяющегося в мировом пространстве. Поэтому понятие «китайский регион», по сравнению с понятием «внутренний регион Китая», более динамично, шире по содержанию и несравненно значимее по статусу.

Понятие «внутренний регион Китая» обозначает один из любых внутренних регионов КНР и выражает тенденцию внутренней дифференциации, представляя диалектический процесс регионализации как дихотомию «интеграция/дифференциация».

Фундаментальной основой и своеобразной матрицей рассмотрения этих новых реальностей китайского социума, обозначаемых понятиями «внутренний регион Китая», «китайский регион», «глобализирующийся китайский регион», «внутренняя» и «внешняя» регионализация КНР, является общенаучное представление о «регионе» и его элементах – территориальной организации, воспроизводственной системе, ресурсном потенциале и культурных ценностях.

С точки зрения системной теории *глобализирующаяся китайская регионализация* – это естественно-исторический процесс самоорганизации китайского государства и осуществляется он в разных – внутренней и внешней – формах: 1) путем выделения административных регионов – провинций и экономических зон внутри своей страны; и 2) путем формирования трансграничных геополитических и геоэкономических подсистем – регионов и блоков стран или ассоциаций в единый «китайский регион». «Китайский регион»

рассматривается как система и одновременно как подсистема подобной системы международных отношений.

Таким образом, КНР как «государство-система» структурируется в единстве территориальной, воспроизводственной, ресурсной и культурной подсистем, которые в свою очередь дифференцируются на отдельные сферы жизнедеятельности китайского социума. Безопасное устойчивое функционирование и развитие системы обеспечивается политико-управленческой системой региона, региональной политикой КНР в ее функциональном и институциональном единстве.

«Китайский регион» как подсистема системы международных отношений представляет собой: единицу международной социально-политической кооперации и связи политических процессов соразвития; динамично развивающегося актора, политическая деятельность которого направлена на стабилизацию своей структуры территориальной организации, воспроизводства, поиска ресурсов, распространения культурных ценностей, обеспечивающих этот процесс в международных отношениях и мировой политике.

Учитывая огромный объем работы, необходимый при структурно-функциональном анализе всех обозначенных нами понятий, сопоставимый с работой отдельного научного коллектива, мы остановимся на основных представлениях и комбинированной характеристике лишь «китайского региона» по обозначенной выше системе образующих его структурных элементов, выявляя основные особенности процесса внутренней китайской регионализации.

Территориальная организация «китайского региона». Территориальная организация государства-региона – это предмет исследования многих научных направлений: политологии, социологии, социально-экономической географии, региональной экономики и т. д. При этом одним из наименее разработанных аспектов его территориального устройства является региональный и социально-политический, так как к серьезным разработкам этих проблем отечественные социологи и политологи (Д. В. Доленко, А. В. Новиков, Д. Н. Замятин, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов, В. А. Колосов, Н. П. Медведев и др.) приступили только в последние годы.

Главным актуальным направлением регионологических исследований являются, прежде всего, социально-политические аспекты территориального устройства государства, политико-территориальные системы как единство региональных общностей и социально-территориальных отношений.

Прежде чем говорить о территориальной организации КНР, осуществляющей процесс внутренней регионализации, необходимо выявить границы территорий, охваченных данными региональными системами. Проблемы границ этих внутренних регионов или «региона-государства» как и любых других в политическом регионоведении связаны с проблемами их описания либо как «онтологической», либо «эпистемологической конструкции» [14].

Очевидно, что при определении региона как онтологической конструкции, соотнесенной с ограниченной территорией, степень свободы выбора объекта исследования существенно ниже, чем во втором, поскольку регион полагается заранее заданным, и его границы не зависят от воли познающего

субъекта. Более продуктивным здесь представляется следование конструктивистской парадигме, достоинство которой состоит, прежде всего, в том, что она делает понятие «регион» гибким, адаптируемым и подлежащим множеству интерпретаций в зависимости от контекста рассматриваемой проблемы. Понятие «китайский регион» связано с пониманием его как эпистемологической конструкции, адаптированной к конкретным целям и задачам китайского национального развития.

«Китайский регион» в нашей интерпретации включает не только собственно территорию китайского государства (КНР), но и постоянно расширяющуюся зону влияния (экономического, политического, культурного) китайского фактора, которая, по мнению ряда авторов, «простирается на обширном пространстве от российского Урала на северо-западе до границ с Океанией на юго-востоке» [20, с. 10], включает «неформальное сообщество “синоязычных экономик” “Большого Китая”» [4, с. 164–165], «единство всех китайцев (в том числе и хуацяо), скрепленное этнической общностью» [7], и которая в будущем может разрастись до «геосферы «Большого Китая-2» (Рах Sinica), по своим параметрам сопоставимая с современным имперским образованием Рах America» [11].

Поскольку в качестве ядра «китайского региона» выступает КНР, то территориальная организация «китайского региона» будет привязана, прежде всего, к политико-территориальной организации КНР. В настоящее время в административно-территориальном делении Китая насчитывается пять уровней (без центрального): три уровня считаются основными, или «настоящими»: 1) административные единицы первого порядка: провинции (*шэн*), автономные районы (*цзычжи цюй*), города центрального подчинения (*цзыся ши*); 2) уезды (*сянь*), автономные уезды (*цзычжи сянь*), города уровня уездов; 3) волость (*сян*), национальные волости и поселки (*чжень*) [12, с. 2].

Кроме трех основных существуют два промежуточных административных уровня. Это – «округа» (*чжоу*), занимающие положение между региональным и уездным таксономическим уровнями, и «цюй» – мини-округ, промежуточное звено между уездом и волостью. Эти два уровня не предусмотрены действующей Конституцией КНР, но зафиксированы в законе, регулирующем организацию местных органов самоуправления.

Прежде всего следует отметить, что в административно-территориальном делении КНР учитывается национально-политический принцип. Существует различие в подходах к регионам концентрации ханьского населения (той части территории страны, которая прежде рассматривалась как собственно Китай, Внутренний Китай) и районы компактного проживания национальных меньшинств (Внешний Китай). Эти различия проявляются в особенностях правового положения регионов и фиксируются в использованных таксономических понятиях. Теоретически права самоуправления районов национальной автономии всегда были шире полномочий «рядовых» административных единиц, поскольку первым предоставлялась, в частности, большая самостоятельность в управлении финансами, разработке местных законов и т. д. Вместе с тем, Конституция и Закон о национальной районной автономии, уста-

навливая компетенции Собраний Народных Представителей (СНП) и народных правительств автономных районов, не расширяют их вплоть до признания права наций на самоопределение. Это подчеркивает конституционное определение Китая как единого многонационального государства.

Еще одной особенностью административного устройства КНР является особое положение городов. По существу, административное деление носит дуалистический характер, и городские поселения подразделяются на те же иерархические уровни, что и территории.

В целом, китайский вариант территориально-государственного устройства интересен с точки зрения сложностей формирования единого экономического, социального, культурного пространства. Отсюда следует, что при освещении данной проблемы недостаточно исследовать только форму государственного устройства, характер политико-территориального деления КНР, необходимо учитывать особенности экономического регионообразования, размещения населения, региональной социально-экономической дифференциации и мн. др.

Особого обсуждения требует вопрос об экономическом регионообразовании в КНР.

В 1996 г. правительством КНР был принят проект экономического районирувания, в котором попытались совместить принципы административного подчинения и экономического тяготения, т. е., по существу, проект начала внутренней регионализации. Территория страны была разбита на 7 *экономических районов*: 1) устье р. Янцзы и часть приморской зоны; 2) район залива Бохай; 3) Юго-Восточный приморский район; 4) Юго-Западный район; 5) Северо-Восточный район; 6) пять провинций Центрального Китая; 7) Северо-Западный район. В виде подрегионов выступили территории, непосредственно прилегающие к среднему течению р. Янцзы и провинции Ляонин.

В структуре территориальной организации «китайского региона» также утвердилось выделение трех меридиональных *территориально-экономических зон*, состав которых был определен еще при составлении седьмого пятилетнего плана (1982–1990 гг.):

1) Восточная (приморская) зона – охватывает 12 административных регионов (провинции Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуаньдун, Хайнань, Гуанси-Чжуанский автономный район и города центрального подчинения – Пекин, Тяньцзинь, Шанхай). Это 14 % территории страны и 40 % населения;

2) Центральная (внутренняя) зона – 9 регионов (Хэйлунцзян, Цзилинь, автономный район Внутренняя Монголия, Шаньси, Хэнань, Аньхой, Хубэй, Хунань, Цзянси) – 20% территории и около 37 % населения;

3) Западная (окраинная) зона – 10 регионов (провинции Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Чунцин, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань и автономные районы Синьцзян-Уйгурский, Нинься-Хуэйский и Тибетский) – 57 % территории и 24 % населения. В последнее время принято к Западной зоне относить также автономные районы Гуанси-Чжуанский и Внутренняя Монголия.

В настоящее время в КНР выделяются следующие типы экономических регионов [17, с. 68–69]:

- районы со сложившимися крайне благоприятными условиями развития (*юхуа кайфа цюй*) и с уже накопленным экономическим потенциалом;
- районы приоритетного развития (*чжундянь кайфа цюй*), включая старопромышленные районы, обладающие определенной индустриальной базой и располагающие хорошими потенциальными возможностями дальнейшего роста, но требующие к себе повышенного внимания;
- слабо развитые районы, перспективное освоение которых требует предварительной подготовки. К ним относятся районы национальной автономии, так называемые «бедные районы» и «районы старых революционных баз»;
- районы ограниченного развития – районы с неустойчивой экологической ситуацией;
- районы, запретные для хозяйственного освоения – это заповедники, природные парки и т. д.

Весьма любопытный феномен регионального территориального устройства КНР – существование обособленных территориальных анклавов в виде «специальных экономических зон» (СЭЗ). Помимо зон производственно-торгового назначения в КНР функционируют и специализированные экономические зоны, в частности: курортно-туристические зоны (КТЗ), Зоны приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС), специальные торговые зоны (СТЗ) (зоны беспошлинной торговли, свободные таможенные зоны), Зоны экономического и технологического развития (ЗЭТР), Зоны экспортной переработки (ЗЭП), зоны развития высоких технологий (ЗРВТ) и др.

Такое территориальное членение, предполагающее выделение разного рода СЭЗ, было произведено в рамках новой стратегии национального и регионального развития – *стратегии полюсов роста*. Региональная поляризация в Китае происходила в виде выделения компактных *свободных экономических зон* и приоритетного развития восточных (приморских) регионов. Негативным последствием данной стратегии стала неравномерность регионального социально-экономического развития страны.

Региональная дифференциация в структуре территориальной организации «китайского региона» очень высока. Специалисты по региональной экономике Китая отмечают существование на сегодняшний день четырех специфических типов регионов в КНР, или, как они иногда говорят, «четыре миров». «Первый мир» представляют Пекин и Шанхай, в которых уровень социально-экономического развития приближается к развитым странам мира. По показателю ВВП Шанхай занимает 49-е место среди 296 стран мира, а Пекин – 84-е. Регионы, находящиеся по уровню экономического развития в верхней части средней группы, можно считать «вторым миром», к ним относятся северо-восточная провинция Ляонин и др. «Третий мир» – это провинции нижней части спектра среднеразвитых регионов, в составе которых находится, например, провинция Хэйлунцзян. «Четвертый мир» – наиболее отсталые регионы центральной и западной частей страны [20].

В целом к проблемам территориальной организации «китайского региона» относятся:

– проблемы взаимоотношений центра и мест. Сохранится ли современная цикличность процесса централизации и децентрализации или он стабилизируется в виде федерального режима (сначала квазифедерального) – остается открытым;

– проблемы территориальной диспропорции. Эти проблемы задают основное направление современной региональной политики КНР в отношении регулирования сбалансированного регионального развития и функционирования самой региональной системы как целостности.

Воспроизводственная система «китайского региона». С точки зрения системной теории, региональное воспроизводство предполагает наличие целостных региональных систем как взаимосвязанных сочетаний внутренних элементов (подсистем). Вместе с тем структурно-функциональный анализ предполагает, что любое комплексное образование имеет не только внутренние взаимосвязи, но и внешние отношения и связи. Поэтому исследование региональных воспроизводственных процессов необходимо вести в тесной увязке с внутренней средой, в координации с развитием смежных внутренних региональных систем или подсистем системы международных отношений. «Китайский регион» рассматривается в качестве сложной национальной воспроизводственной системы и одновременно как подсистема более крупной воспроизводственной системы (АТР, ШОС, АСЕАН и т. д.).

Системно-динамический анализ показывает, что воспроизводственные процессы в регионе характеризуются сочетанием динамизма и инерционности, а, следовательно, и внутренней противоречивостью, конфликтностью, проблемностью. Это обусловлено тем, что постоянно «сталкиваются» новые и старые структуры, вновь возникающие и сложившиеся социально-экономические и духовные процессы, новые и традиционные методы управления в процессе китайской регионализации.

Собственно *воспроизводственный подход* имеет важное методологическое значение в изучении действия законов общественного развития на региональном уровне. Относительное обособление воспроизводственного цикла означает не только обособление воспроизводства в границах региона, но и обособление внутренне присущих ему, региону, противоречий и их концентрированных выражений – сложных региональных социально-экономических и социально-политических проблем.

Современное понимание воспроизводства имеет традиционное социально-экономическое содержание, исходя из которого, региональное воспроизводство многими авторами (А. С. Маршалова, А. С. Новоселов, Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев, А. И. Добрынин, Р. И. Шнипер, Е. А. Марчук, Б. Винярский, О. А. Ломавцева и др.) отождествляется с социально-экономическим воспроизводством, а воспроизводственные процессы – с экономическими процессами. Чаще всего процессы регионального воспроизводства трактуются исключительно в социально-экономическом смысле и конкретизируются на уровне экономико-географических и экономических категорий: воспроиз-

водство трудовых ресурсов, воспроизводство финансово-кредитных и денежных ресурсов, воспроизводство инвестиционно-строительного комплекса, воспроизводство продовольственных ресурсов, производственных и социально-бытовых услуг и т. п.

Нарастающая воспроизводственная мощь КНР, прежде всего экономическая, уже достаточно очевидна. Стремительное наращивание экономической, научно-технической, оборонной воспроизводственной мощи в КНР является уникальным событием в 5-тысячелетней истории Китая. За 55 лет (1950–2004 гг.) под руководством КПК Китай превращен из страны, находившейся на крайней стадии упадка восточного феодализма и азиатского способа производства, перенаселенной, раздробленной, раздираемой внутренними войнами и иностранной агрессией, в единое крупнейшее в мире индустриально-аграрное государство.

В начале XXI в. Китай продолжает развивать экономическую реформу, эффективно используя механизмы регионализации и глобализации. Программа экономического развития Китая, раскрывающая существо понимания воспроизводства, в целом состоит из трех этапов. Первые два были проведены еще в XX в. Основной задачей первого этапа была модернизация народного хозяйства, второго – реализация стратегических целей.

В 1996 г. в Китае началась 9-я пятилетка, которая ознаменовала собой начало третьего этапа социально-экономического развития страны. Весь третий этап разделен на три стадии: 1) 1996–2010 гг.; 2) 2011–2030; 3) 2031–2050 гг. На первой стадии к 2010 г. были поставлены следующие задачи: в основном провести индустриализацию, создать совершенную систему социалистической рыночной экономики, развивать связи с мировой экономикой, по доходам на душу населения выйти на уровень стран с доходами ниже среднего уровня, народ должен стать более зажиточным по сравнению с обществом «малого благоденствия», а по совокупной государственной мощи Китай должен выйти на 4-е место в мире. На второй стадии развития к 2030 г. КНР должна завершить индустриализацию, постепенно осуществлять модернизацию, создать конкурентную экономическую систему, по доходам на душу населения выйти на уровень стран с доходами выше среднего уровня, а по совокупной государственной мощи Китай должен выйти на 2-е место в мире. На третьей стадии к 2050 г. страна должна на основе результатов социально-экономического развития, исходя из реальностей международной обстановки и уровня своего экономического развития, полностью реализовать намеченные стратегические цели и задачи социально-экономического развития страны, обогнать по воспроизводственной мощи США и выйти на 1-е место в мире. Как видно, идея индустриализации является несущим стержнем формирования региональной и глобальной экономической и социальной стратегии, соответственно ориентированной на создание мощной воспроизводственной базы.

Важным фактором развития воспроизводственной сферы является регулирование производственной структуры, что постепенно уменьшает ее различия с другими странами. В 1990-е гг. произошли значительные изменения в структуре ВВП Китая, выражающиеся в увеличении доли третьей сферы вос-

производства (торговля, услуги), сокращении доли первой сферы (сельское хозяйство) и сохранении на прежнем уровне второй сферы (промышленность).

В ходе торгово-денежных и рыночных реформ коренные преобразования произошли в воспроизводственной, прежде всего, социально-экономической структуре китайского общества. Экономика, базировавшаяся на общенародной (государственной) и коллективной формах собственности, была превращена в многоукладную экономику. По характеру отношений собственности уклады образуют три большие группы. В первую группу, которой принадлежит доминирующая роль в экономике, входят государственный и коллективный (акционерный) уклады; во вторую группу – различные формы индивидуального и частного укладов; третья группа формируется за счет привлечения иностранного капитала. Главной сферой деятельности указанных укладов являются промышленность, строительство, транспорт и торговля. Сельское хозяйство, как базовая отрасль народного хозяйства, с одной стороны, удовлетворяет потребности растущего населения в продовольствии и промышленности в сырье, а с другой – становится все более крупным потребителем промышленной продукции, прежде всего химических удобрений, простейших орудий труда, стройматериалов, а также промышленных потребительских товаров. В целом структура экономики приобрела индустриально-аграрный (бинарный) характер.

Убедительным подтверждением формирования феномена «китайский регион» является другая подсистема воспроизводственной системы – социальная. Для анализа «китайского региона» как социоприродной целостности более интересным представляется рассмотрение его подсистемы *социального воспроизводства*. При этом данная категория является наименее исследованной в отечественной науке. Хотя некоторое продвижение в этом направлении было сделано в работах Ю. Ф. Абрамова, который выделил систему социального воспроизводства и включил в нее «собственно социальное, идеологическое и информационно-коммуникативное воспроизводство» [2]; М. П. Бузинского, определившего роль центра и периферии в воспроизводстве региональной целостности [7, с. 137–142]; А. А. Уланова, который научно представил общественное бытие как процесс социального воспроизводства [20]; А. В. Виноградова, выделившего в качестве основного механизма общественного воспроизводства механизм воспроизводства управления [10, с. 191–202].

Воспроизводство общественно-политической и социокультурной жизни в Китае неразрывно связано с дихотомией «традиционализм/модернизация». В конце прошлого столетия в условиях вызовов и угроз, культивируемых как процессом глобализации, так и внутренней социальной нестабильностью, перед китайским руководством остро встал вопрос о том, как правильнее и выгоднее для своей нации использовать все «новое», пришедшее с Запада, и не забывать прошлое, традиционное начало. Перед лицом угроз XXI в. в Китае вырабатываются новые стратегии национального и регионального развития, призванные как сохранить «индивидуальность» китайской культуры (национальную идентичность), так и «модернизировать» ее.

В данной работе мы соотносим процесс социального воспроизводства с воспроизводством управления, институтов власти, политической культуры, которое в целом сводится к формированию новых подходов обновления всей региональной системы «страна» с ее базисными (экономической, политической и культурной) подсистемами.

К основным факторам воспроизводства социальной сферы жизнедеятельности китайского общества относятся:

– воспроизводство всех сфер жизнедеятельности на основе модернизации традиционных конфуцианских ценностей, которые используются современными китайскими политиками для достижения национального единства. Можно отметить высокую способность к воспроизводству традиционных конфуцианских ценностей. Смена философских парадигм конфуцианства, неоконфуцианства и постнеоконфуцианства – это непрерывный онтогерменевтический процесс. Соединение неоконфуцианской мысли с идеями евроамериканской цивилизации в XX в. привело к появлению «современного конфуцианства», ориентированного на формирование новой политической культуры Китая, совместимой с материальной цивилизацией западного типа и одновременно сохраняющей специфические ценности собственной традиционной политической деятельности;

– теоретико-идеологическое и идейно-нравственное воспроизводство и китайская политическая культура. Политическая культура пронизывает все сферы политической жизни, воплощена в каждом конкретном поступке политического поведения. Ее роль и влияние настолько сильны, что проще изменить политический строй, чем политическую культуру. Поэтому в реальной политической жизни мощная функция политической культуры и состоит в сохранении существующей политической системы и ее строя. В социально-политической структуре китайского общества политический строй, политическая идеология, политическая теория, политическое сознание, политическая психология составляют организационный порядок от конфуцианского «внешнего» к «внутреннему», от поверхностного к глубокому. Политическая культура в этой иерархии, объединяя собой все элементы, заполняет глубинный слой, характеризуясь устойчивостью и длительностью сохранности. Политическая культура Китая с ее конфуцианским духовным ресурсом, глубокой теоретико-идеологической основой и высокой идейно-нравственной устойчивостью играет самую важную роль в процессе воспроизводства политической системы;

– воспроизводство политической системы на основе преемственности политической власти. Важнейшим критерием зрелости общественной системы является ее способность к воспроизводству. Передача власти от Дэн Сяопина Цзян Цзэминю была важнейшим событием, став первым в новейшей истории успешным опытом преемственности. Передав власть Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь, на первый взгляд, не внес ничего нового, просто повторив действия предшественника. Но именно повторение позволило событию политической истории стать общественно-политическим институтом, являющимся центральным элементом формирующейся политической системы. Правя-

шая партия прилагает значительные усилия, чтобы обеспечить преемственность руководства после 2012 г., когда Ху Цзиньтао покинет пост генерального секретаря ЦК Компартии Китая. Скорее всего, КНР двинется по пути постепенной либерализации партии, некоторой демократизации избирательной системы на местах, развития ограниченного числа неправительственных организаций;

– воспроизводство идеологических основ управления, представляющее ряд «идеи Мао Цзэдуна» – «теория Дэн Сяопина» – «концепция трех представительства» – «общество малого благоденствия (сяокан)» – «всестороннее общество сяокан» – «построение гармоничного общества» – ряд стратегий развития внутренних и внешних политических процессов. Заложив на XIV и XV съездах КПК принципиальные социально-экономические, а на XVI, XVII – политические основы современного китайского государства, совершенствование которых может стать задачей десятилетий и даже столетий, КПК нашла устойчивые формы воспроизводства социально-экономической, а затем и политической жизни.

В целом складывающаяся в КНР общественная система демонстрирует свою жизнеспособность – она в состоянии обеспечить себе легитимность, успешно отвечает на внешние и внутренние вызовы и, наконец, обладает системой воспроизводства. При этом нельзя, конечно, утверждать, что в Китае не осталось нерешенных проблем, а тем более не появится новых, но это уже вопросы, касающиеся деталей, а не принципиальной модели развития.

«Китайский регион» как социально-политическая система в настоящее время находится на переходном этапе, который принято называть начальным этапом строительства социализма с китайской спецификой, ближнесрочной задачей развития становится «всестороннее строительство общества «сяокан» и дальнейшее строительство «общества социальной гармонии».

В целом процесс воспроизводства и модернизации политической системы КНР направлен на ее адаптацию к новым внутрорегиональным и глобальным условиям. При этом китайское руководство однозначно отрицает путь слепого копирования каких бы то ни было политических систем, а стремится создать свою собственную модель глобализирующегося развития с учетом специфических условий развития страны, не «форсируя перемены».

Ресурсный потенциал «китайского региона» характеризуется состоянием натуральных: территориальных или природных ресурсов – полезных ископаемых, водных, земельных, лесных и др.; и социальных: демографических, промышленных, информационных, политических и др., определяющих, с одной стороны, все возможности и способы их использования китайским государством для поддержания стабильности в регионе, реализации и защиты национальных интересов, а с другой – вызывающих ряд проблем внутреннего и внешнего характера, связанных с нехваткой ресурсообеспечения. Структура социального ресурсного потенциала включает идейно-политические, ценностные и духовно-нравственные ресурсы.

Социальный потенциал «китайского региона» включает в себя демографические и трудовые ресурсы и собственно социальный ресурс, характери-

зующийся уровнем социального развития общества, степенью внутреннего единства составляющих его групп и слоев. Сторонами социального потенциала являются: социальная структура общества, социальные связи, уровень и качество жизни, статус личности.

«Китайский регион» обладает самым богатым в мире *демографическим ресурсом*. В Китае проживает четверть населения нашей планеты (около 23 %). По данным последней переписи 2000 г., его численность составила 1,26 млрд чел., а в 2005 г. (по оценкам) она достигла 1,36 млрд. По мнению китайских демографов, максимально допустимый для страны показатель – 1,5–1,6 млрд. С одной стороны, китайский демографический потенциал оценивается положительно – это дешевая рабочая сила, огромный потребительский рынок и т. д. С другой стороны, это огромная нагрузка на природную среду, сферу социального обеспечения, что усугубляется изменениями в половозрастной структуре китайского общества, генерируемыми известной политикой рождаемости. В начале XXI в. разрыв между численностью мужского и женского населения в Китае достиг 40 млн чел., что оказывает серьезное влияние на возрастную пирамиду населения страны. По прогнозам, доля пожилого населения возрастет с 6,96 % в 2000 г. до 23,8 % в 2050 г., а демографическая нагрузка на население в рабочем возрасте (доля населения 65 лет и старше к населению в рабочем возрасте) увеличится с 10,54 % в 2000 г. до 37,52 % в 2050 г.

Социальная структура китайского общества в последнее время находится в процессе постоянной трансформации и становится более «плюральной», чем ранее. Ученые Китая различают в стране 5 крупных социальных образований (верхний, выше среднего, средний, ниже среднего, нижний) и 10 социальных слоев [16]: 1) управляющие государством и обществом – 2,1 %; 2) хозяйственные руководители – 1,5 %; 3) частные предприниматели – 0,6 %; 4) профессиональные научно-технические работники – 5,7 %; 5) занимающиеся текущей административной работой чиновники – 4,8 %; 6) одиночники – 4,2 %; 7) работники торговли и сферы услуг – 12 %; 8) производственные рабочие – 22,6 %; 9) крестьяне – 44 %; 10), имеющие непостоянную работу и безработные – 3,1 %.

Сложившаяся социальная структура является довольно подвижной, подверженной влиянию как внутренней, так и международной конъюнктуры.

Экономический потенциал «китайского региона» характеризуется уровнем обеспеченности материально-сырьевой базы (природные ресурсы), научно-технической базы (кадровые, информационно-инновационные ресурсы) и совокупной экономической мощностью.

На территории Китая (которая сама по себе является особым ресурсом, ее площадь составляет 9,6 млн км² и занимает 3-е место в мире после территории РФ и Канады) обнаружены залежи 171 вида и определены запасы 158 видов полезных ископаемых. Китай является одним из мировых лидеров по запасам редкоземельных элементов, угля, вольфрама, олова, молибдена, сурьмы, титана, гипса, магнетита, барита, флюорита, талька и графита. По таким видам полезных ископаемых, как железная руда, марганец, алюминий,

медь, фосфор, преобладают небогатые залежи. Достаточно острую нехватку страна испытывает в алмазах, платине, хромите, калийной соли. В целом КНР является третьей в мире страной по общим запасам полезных ископаемых, которые на середину 2004 г. оценивались в 16,56 трлн долл. Однако по их подушевому объему – 15,1 тыс. долл. – Китай занимает только 53-е место.

По большинству природных ресурсов в расчете на душу населения Китай существенно отстает от среднемировых показателей. Обеспеченность пахотными площадями составляет менее 40 % среднемирового уровня, лесами – менее 14 %, минеральными ресурсами – 58 %. За исключением угля Китай испытывает серьезный недостаток практически всех видов полезных ископаемых, а примерно половина из них близка к исчерпанию.

Низкая обеспеченность природными ресурсами усугубляется крайней расточительностью действующей модели экономического роста. Китай производит пока лишь 4 % мирового ВВП, но на его долю приходится 7,4 % мирового потребления нефти, 31 % – угля, 30 % – железной руды, 37 % – стального проката, 25 % – алюминиевого сырья и 40 % – цемента.

В условиях экстенсивного экономического роста затраты сырья и материалов увеличиваются почти теми же темпами, что производство товаров и услуг. За годы реформистского курса, когда произошло учетверение объемов производства, потребление энергоносителей в Китае возросло в 3,6 раза, в том числе угля – в 3,4 раза, нефти – в 3,7 раза, природного газа – в 3,2 раза. За 1980-2000 гг. потребление стали увеличилось в 4,6 раза, меди – в 4,1 раза, алюминия – в 8,3 раза. На единицу ВВП в Китае затрачивается цветных металлов в 8,1 раза больше, чем в Японии, в 6,7 раза больше, чем в США, и в 3,8 раза больше, чем в Индии.

Значительная часть природных ресурсов КНР импортируется из соседних стран. Официальные лица в Китае констатируют, что зависимость от импорта ископаемых ресурсов отрицательно сказывается на безопасности государства и его поступательном развитии. По словам начальника Государственного управления геологической разведки КНР Мэн Сяньлая, дефицит ископаемых ресурсов уже стал одним из ключевых факторов, тормозящих процесс экономического и социального развития страны. За последние годы ввоз в Китай минерального сырья и энергоносителей в стоимостном выражении существенно опережает их вывоз. В 2003 г. импорт нефти составил 91,1 млн т, железной руды – 148,1 млн т, марганцевой руды – 2,9 млн т, хромовой руды – 1,8 млн т, медной руды – 2,7 млн т, калийных удобрений – 6,6 млн т.

В расчете на единицу ВВП Китай потребляет воды в 3–4 раза больше, чем в среднем в мире, а в расчете на единицу промышленной продукции – в 5–10 раз больше, чем в развитых странах. Повторно используется менее 50 % воды. Низка эффективность ирригационных систем в земледелии. В водопроводной сети городов теряется 20 % воды. Традиционные административные методы борьбы с потерями малорезультативны. В 2003 г. 11 городов провинциального подчинения и 103 города уездного уровня испытывали серьезный дефицит воды. Особенно остро не хватает воды в Северном Китае, в первую очередь, в индустриально наиболее развитом столичном регионе. Нехватка

воды достигла критического порога, за которым начинается серьезное торможение социально-экономического развития и экологический кризис.

Экстенсивный экономический рост, ускоряющаяся урбанизация, природные процессы и меры по мелиорации вносят немалые изменения в структуру земельного фонда Китая. В 2003 г. площадь пахотных земель сократилась на 2,02 %, а площадь пастбищ – на 0,16 %. В то же время территория, занимаемая поселениями и отдельными горнопромышленными разработками, возросла на 1,03 %, а площадь под транспортными путями – на 3,3 %. Сокращение пахотной площади происходит, главным образом, в связи с высвобождением ее под лесопосадки. Но немалая часть выбывающей из сельскохозяйственного оборота пашни занимается под городскую, промышленную и транспортную застройку.

В тех регионах, где сравнительно ранняя индустриализация базировалась на интенсивном использовании местных природных ресурсов, прежде всего полезных ископаемых, по мере их истощения стали серьезно обостряться экономические и социальные проблемы. Это прежде всего касается Северо-Восточного Китая. Близки к истощению лесные ресурсы Северо-Востока. Практически исчерпана сырьевая основа крупнейшей лесопромышленной базы страны Ичунь, где оставшиеся запасы древесины не превышают 5 млн м³.

В настоящее время за счет импорта удовлетворяется 37 % потребностей Китая в нефти и нефтепродуктах, и этот показатель непрерывно возрастает. В первой половине 2004 г. на долю нефти пришлось 7,4 % стоимости китайского импорта.

В свете сказанного понятно, почему обеспечение энергетической безопасности, которая в Китае является синонимом нефтяной безопасности, становится задачей первоочередной важности. Внезапные перебои в поставках, нехватка нефти, скачки цен способны причинить экономике страны серьезный ущерб.

Важным составным элементом стратегии обеспечения нефтяной безопасности и решения других проблем ресурсообеспеченности для Китая служит политика «выхода за пределы» (*цзоучуцзюй*), под которой в данном случае понимается участие в освоении зарубежных месторождений с помощью китайских технологий и китайского капитала. Курс на «выход за пределы» китайские нефтяные корпорации стали проводить еще в 70-х гг. прошлого века. В настоящее время эта политика обращена в значительной мере на прилегающие к территории Китая страны – Россия, Казахстан и другие центральноазиатские государства.

Таким образом, вопрос обеспечения энергоресурсами становится коренным вопросом обеспечения планов мирового подъема и развития Китая и представляет скрытую угрозу соседним государствам.

При решении проблемы ресурсообеспечения руководство Китая в том числе огромное значение уделяет развитию *научно-технической базы* страны и осознает выгоды от инвестиций больших средств в науку и технику, особенно в информационные технологии. Так, расходы на НИОКР в 2003 г. со-

ставили 1,3 % ВВП и обеспечили КНР 37-е место в мире по этому показателю и 12-е – по уровню расходов на фундаментальные исследования. Несмотря на это, Китай по-прежнему в основном импортирует передовые технологии. В связи с этим перед китайскими предприятиями стоит сложная задача организации собственных НИОКР.

В начале XXI в. Китай главную ставку делает на подготовку (в стране и за рубежом) высококвалифицированных кадров, обладающих самыми современными знаниями в области управления, высоких технологий, информатики и т. п. «Кадры решают все» – таков принцип современной экономической политики КНР. В 2005 г. доля расходов на образование составила 4 % ВВП, а в вузы принято 4,75 млн студентов. По их численности (20 млн) Китай сегодня занимает 1-е место в мире. С 1987 г. по настоящее время более 800 тыс. китайцев получили образование за границей, из них на родину вернулись 200 тыс.

Представим лишь некоторые достижения КНР в области науки и техники за последнюю пятилетку: запуск первого пилотируемого космического аппарата 15 октября 2003 г.; старт пилотируемого космического аппарата с двумя космонавтами на борту в октябре 2005 г.; начало производства высококачественных телевизоров на базе приобретенной компании TCL с использованием товарного знака «Thomson»; успешное участие в конкурсе на проведение Олимпийских игр 2008 г., которые транслировались в цифровом режиме (цифровое телевидение); создание в Пекине зоны научно-технического развития «Чжунгуаньцунь» (17 университетов, 50 академических научных центров) и 30 технопарков по всей стране; начало эксплуатации монорельсовой дороги из Шанхая в Пудун в декабре 2002 г.; запуск шести метеоспутников серии «Фэньюнь»; овладение технологией клонирования (четвертая страна в мире); создание суперкомпьютера мощностью 11 трлн операций в секунду; исследования Антарктиды, открытие первой китайской полярной станции на Шпицбергене.

Совокупная экономическая мощь Китая выражается в показателях темпов роста ВВП и ВВП на душу населения. С начала реформ ежегодный экономический рост КНР в среднем составлял 9,4 %, а объем ВВП с 147 млрд долл. в 1978 г. достиг 2,26 трлн долл. в 2005 г. Поставлены задачи к 2020 г. увеличить ВВП еще в четыре раза. Абсолютный показатель ВВП на душу населения в настоящее время составляет около 1738 долл. Средние доходы горожан в 2005 г. составили 1300,2 долл. в год, в деревне – 403,3 долл. [10].

Китайские политологи и экономисты выделяют 5 этапов развития страны в XXI в. Из них знаковыми должны стать первый (2000–2010 гг., к концу которого ВВП планируется увеличить до 2,6 трлн долл.), третий (2031–2050 гг.), когда КНР должна будет занять 1-е место в мире по совокупной государственной мощи и добиться внешнеторгового оборота в размере 20 трлн долл., и пятый (2080–2100 гг.), чтобы догнать передовые страны по уровню экономического развития и обеспечить ВВП на душу населения в размере 25 тыс. долл. по сегодняшнему валютному курсу. КНР уже сегодня вышел на запланированное 3-4-е место в мире по экономической мощи, пропустив вперед только США, Японию и Германию и обогнав Францию и Италию [5, с. 7].

Для реализации этих прогнозов нужна основательная поддержка государства, направленная на материальное стимулирование использования возобновляемой энергии, обеспечение его научно-технической базы, а также на принудительное формирование рынка и запуск механизма региональной рыночной конкуренции.

Резюмируя, еще раз подчеркнем следующее:

– все более обостряющаяся нехватка природных ресурсов становится одним из наиболее узких мест и потенциальной угрозой для устойчивого социального и экономического развития Китая;

– наиболее чувствительно наглядное убывание тех природных ресурсов, которые невозможно импортировать: пахотных земель, лесов, водных источников;

– истощение сырьевых и энергетических ресурсов в районах раннего индустриального развития (Северо-Восточный Китай) ставит их перед лицом экономического и социального кризиса;

– комплекс сложных структурных, технико-экономических, внешнеполитических, экологических проблем связан с задачей обеспечения экономического роста Китая энергоресурсами;

– особую озабоченность китайского руководства вызывает проблема обеспечения нефтяной безопасности страны. Эту проблему стремятся решить путем создания стратегических запасов нефти, диверсификации источников и путей поставок, активизации внешнеэкономической деятельности;

– в своих попытках получить доступ к зарубежным ресурсам нефти Китай сталкивается с серьезным противодействием и конкуренцией нефтяных монополий, пользующихся политической поддержкой ведущих мировых держав;

– стремление ослабить противодействие своей энергетической политике стимулирует поиски Китаем путей международного сотрудничества и кооперации для совместного обеспечения энергетической безопасности;

– за высокие темпы экстенсивного экономического роста Китай платит загрязнением и уничтожением природной среды;

– попытки сократить ущерб, причиняемый экологии, путем принятия законодательных актов и создания контролирурующих органов парализуются стремлением местных органов власти и отраслевых ведомств максимизировать экономический рост любой ценой;

– начавшиеся во второй половине 2003 г. веерные отключения электроэнергии в подавляющем большинстве провинций Китая, усиливающийся дефицит угля и нефти вкупе с прогрессирующим ухудшением экологической обстановки могут рассматриваться как начало системного кризиса в отношениях между человеком, ресурсами и природной средой;

– наиболее пагубные последствия этот кризис может иметь для Восточного Китая, который является лидером экономического роста в стране и концентрирует преобладающую массу предприятий тяжелой индустрии, основных потребителей энергии и главных поставщиков, загрязняющих природу веществ.

Система культурных ценностей «китайского региона». Особая роль в процессе внутренней и внешней регионализации в КНР отводится ее культурным ценностям. Причем в этом контексте ценности предстают как императивы, т. е. повелевающие, требующие, предписывающие каждому действовать по этим правилам.

Вхождение Китая в глобализационный процесс свидетельствует о коренных изменениях в сфере экономики, политики, информационных технологий общества. Другая сторона этого противоречивого процесса затрагивает вопросы существования китайского человека, системы его базисных конфуцианских ценностей, являющихся ядром социокультурного строя и определяющих облик китайской цивилизации и культуры.

В результате глобализационных воздействий на социокультурные основы китайского общества подвергаются трансформации фундаментальные, культурно-цивилизационные ценности, духовный мир человека, культурно-цивилизационная идентичность, менталитет.

Эти условия также детерминировали процесс, но уже культурной регионализации, в рамках которого актуализируются и трансформируются проблемы национально-цивилизационной идентичности китайского общества, унификации культуры, концентрации в различных сферах общества и общественном сознании конфуцианских ценностей, становящимися целью и императивами процесса регионализации. Региональное структурирование китайского пространства влечет за собой активное включение регионов в экономическую, политическую, социально-культурную жизнь на национальном (внутреннем) и транснациональном (внешнем) уровнях.

Любой «внутренний регион Китая», как и «китайский регион» в целом, становится структурно-функциональным образованием, в рамках которого КНР активно решает проблему исторической, нормативно-ценностной, культурной самоидентификации, тем самым обеспечивая эффективность развития экономической, политической, социальной, культурной сфер, определяя внутреннее и внешнее направление своего устойчивого развития и безопасного международного сотрудничества.

Анализ опубликованных работ в Китае свидетельствует о глубоком внимании научной мысли к различным аспектам влияния на глобализирующееся развитие Китая его конфуцианской культуры. Китайские ученые определяют учение Конфуция как нравственные, лишенные элементов культа и таинственности трансформирующиеся ценности, выделяя экономические, политические, военно-стратегические идеи Конфуция.

Разработка различных аспектов конфуцианства осуществляется с целью создания обновленной этической системы, соответствующей социалистической рыночной экономике и ее прагматического использования в процессе управления государством, идеологического обеспечения глобализирующейся регионализации КНР. Поэтому национальная культура активно культивируется и воспринимается в Китае как инструмент и основа регионализации, сохранения национальной идентичности, внешней защиты и контрастности за пределы страны.

В тесной связи с процессом ценностных культурных переориентаций на обеспечение глобальных и региональных изменений находится и проблематика политической культуры Китая, формирование в ней новой нравственно-политической основы глобализирующегося социоприродного развития китайского государства. Различным аспектам трансформирующейся теории политической культуры Китая, обеспечивающей сегодня процесс глобализации и регионализации, посвящены многочисленные труды зарубежных, отечественных и китайских исследователей: Л. С. Переломова, К. А. Кокарева, Л. М. Гудошникова, Г. А. Степановой, Н. А. Абрамовой, Оу Янцзиня, Чжао Чжэнфэна, Чжу Хуанхэ, Ван Хунина, Ан Цзинчуна, Шисюэхуа, Лин Сунлэ, Ли Сюэбао, Мэнь Хунхуа, Ли Юю [16; 4; 24; 25; 22; 23] и др. Их материалы позволяют осуществлять анализ конкретных механизмов взаимосвязи политических ценностей и проблем внутренней и внешней.

Трансформирующиеся ценности рассматриваются как культурные императивы внутренней и внешней стратегии развития Китая. Стратегии направлены на обеспечение национальных интересов, целостности, стабильности, повышение комплексной мощи и безопасности китайского государства в динамично изменяющихся условиях глобализации и регионализации.

Так, ценностное содержание в стратегии развития («*фачжань гуань*») КНР в XXI в. сводится к требованию согласованного («*сетяо*»), всестороннего («*цюаньмянь*»), устойчивого и безопасного («*кэчисюй*») развития экономики и общества, города и деревни, регионов, человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости, т. е. пяти балансов, обеспечивающих безопасность внутреннего развития. Ценностной трактовке стратегии согласованного безопасного развития во внутренней регионализации отвечает ценностный императив «*угэ тунчоу*», т. е. идея пяти единых планирований.

Важнейшая задача и цель согласованного развития внутренних регионов Китая на долгосрочную перспективу – создание «социалистического гармоничного общества» («*шехуйчжун хэсе шехуй*»). Главные культурные императивы такого общества, по словам Председателя КНР Ху Цзиньтао, – «демократия и законность, равенство и справедливость, доверие и миролюбие, преисполненность жизненной силой, спокойствие и порядок, гармоничное сосуществование человека и природы».

Внешняя стратегия КНР – всевекторная политика безопасности, т. е. политика ее глобализирующейся регионализации, которая уже реализуется различными путями. Один из них – формирование в системе международных отношений не имеющего четких пространственных границ «китайского региона» с доступом его к ведущим мировым сырьевым ресурсам и потенциалам. Другой – формирование новых региональных образований, с усилением ведущей региональной роли и глобального влияния КНР. При этом складывается новая форма азиатского регионализма – китайская глобальная регионализация.

В этом процессе Китай осуществляет самостоятельную и независимую внешнюю политику «новой регионализации». Основные культурные императивы жестко ориентируют ее на формирование международной долгосрочной

стабильности и безопасности развития, которые помогут разрешить внутренние проблемы КНР – охрану суверенитета и стабильности, целостности, осуществление единства страны, расширение международного влияния, защиту и расширение сфер и пространства глобализирующихся интересов китайского государства.

Китайская цивилизация за долгие века своего существования создала сложнейшую, всеохватывающую, во все проникающую систему ценностных традиций, ставших культурными императивами и внешней регионализации. Подтверждением этого явления является ценностная основа концепции «мирного возвышения», воплотившая в себе политику глобальной регионализации.

Концепция «мирного возвышения» (*«хэтин цзюэци»*) – это новое региональное мышление китайцев и действия по его реализации не только в категориях силы, интересов и преимуществ, настойчивости в борьбе за власть, стратагемности, но и в ценностных императивах конфуцианской морали. Это наследие сегодня реализуется в основных идеях-императивах глобализирующейся регионализации Китая – «сокрытия талантов» (*«тао гуан ян хуэй»*), «не называть себя гегемоном» (*«бу чен ба»*), «не идти на конфронтации» (*«бу кан ци»*), «искать общее, сохраняя различия» (*«цю тун цюньи»*), «единения без унификации» (*«хэ эр бу тун»*), «срединности» (*«чжунюн»*), «гармонии» (*«чжунхэ»*), создающих оптимальный способ разрешения региональных противоречий между странами, нациями и религиями. Но для достижения данной цели необходима программа реализации китайского мировоззрения (*«хэ эр бу тун»*), ценностей его культуры среди народов других стран, что осуществляется в процессе внешней регионализации КНР.

Как видно, современный Китай настойчиво демонстрирует разнообразие своей духовной культуры и ее специфический императивный ценностный потенциал, выступающий как «мягкая сила» (*«жуань шили»*) в совокупной мощи КНР, способный объяснить успехи реформирования и модернизации, проведения политики внутренней и глобализирующейся регионализации.

Таким образом, нами комплексно представлен «китайский регион» как социоприродная целостность – сложная динамичная система, включающая территориальную, воспроизводственную, ресурсную подсистему и систему культурных ценностей.

Структурность социоприродной системы заключается в возможности ее описания через установление ее структуры и сложных внутренних и внешних функциональных связей. Данный подход разрешает проблему целостного общенаучного представления понятия «китайский регион», или «внутренний регион Китая», в регионоведении и позволяет более четко и комплексно описать их структуру, функционирование и развитие.

Сама категория «китайский регион», или «внутренний регион Китая», и подходы к исследованию данной реальности как системы и формирующегося элемента международного политического пространства и внутренних подсистем-регионов Китая в научной литературе стали только обозначаться и представляют необходимость их дальнейшей разработки.

Литература

1. *Абрамов В. А.* Глобализирующийся человек: грани социокультурного изменения : монография / В. А. Абрамов, Н. Н. Волнина. – Чита : ЧитГУ, 2006. – 209 с.
2. *Абрамов В. А.* Регион: научное понятие и реальность : теоретико-методологические очерки / Ю. Ф. Абрамов, О. В. Бондаренко, А. Н. Лапшин, В. В. Мантатов. – Иркутск : ИГУ, 2001.
3. *Абрамова Н. А.* «Китайский регион» в политическом измерении : монография / Н. А. Абрамова, Т. Н. Кучинская. – Чита : ЧитГУ, 2008. – 174 с.
4. *Абрамова Н. А.* Конфуцианский рационализм как духовный ресурс цивилизационного развития / Н. А. Абрамова, Е. А. Юйшина. – Чита : ЧитГУ, 2000.
5. *Андреанов В. Л.* Формирование «Большого Китая»: геополитическое измерение : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Л. Андреанов. – М., 2004.
6. *Бессарабов Г. Д.* Китайская Народная Республика в 2001–2005 гг. // Аналитические обзоры РИСИ (информационный бюллетень № 4). – М., 2005. – С. 5.
7. *Бузинский М. П.* Центр и периферия в воспроизводстве региональной целостности // Российский регион: XXI век. – Волгоград, 2003. – С. 137–142.
8. *Вербицкий С.* Большой Китай и хуацяо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kackad.com/article.asp?article=1188>
9. *Виноградов А. В.* Механизм воспроизводства власти и культуры XVI съезд КПК (1999–2004) // Виноградов А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2005. – С. 191–202.
10. *Далькова В. М.* Современные концепции развития социоприродных систем (философско-методологический анализ) : дис. ... канд. филос. наук / В. М. Далькова. – М., 2002. – 129 с.
11. Данные посольства КНР в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.CHINAEMBASSY.ru>
12. *Канчуков С. А.* Китайский регионализм в условиях глобализации (сб. информ.-справ. материалов № 6) / С. А. Канчуков. – Чита : СибВО, 2006.
13. *Кондрашова Л. И.* Эволюция и современное состояние государственно-территориального устройства КНР // КНР: особенности и тенденции современной региональной политики: сб. ст. / сост. Л. И. Кондрашова. – М., 2005. – № 4. – С. 4
14. *Ломовцева О. А.* Воспроизводство региональной социоприродной хозяйственной системы : дис. ... д-ра экон. наук / О. А. Ломовцева. – Волгоград, 1999. – 354 с.
15. *Миллер Н. Н.* Понятие «регион» в международно-политических исследованиях [Электронный ресурс] // Мир на СК. Сим. № 3. Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на СК. 2004. 17 июля. – Режим доступа: <http://pn.pglu.ru/index.php>
16. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР / Л. С. Переломов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
17. *Пивоваров Э. П.* К вопросу о социальной стабильности в КНР // Российско-китайские отношения. Состояние и перспективы / рук. проекта М. Л. Титаренко. – М. : ИДВ РАН, 2005.
18. Региональная политика: опыт России и Китая / отв. ред. Л. И. Кондрашова. – М. : ИДВ РАН, 2007. – 203 с.
19. *Свешников А. А.* Проблемы международной самоидентификации Китая в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике (история и современность) / ред.-сост. Е. И. Сафронова. – М., 2005.

20. Уланов А. А. Современные тенденции и механизмы социального воспроизводства: дис. ... канд. филос. наук / А. А. Уланов. – Уфа, 2003. – 130 с.

21. Лу Юн. Синчжэн цюйюй цзинци = Развитие экономики административных регионов КНР / Лу Юн. – Пекин : Жэньминь чубань шэ, 2002. – 273 с. – На кит. яз.

22. Цюаньцихуа бэйцзин ся Чжунго вэньхуа цзинчжэнли яньцзю = Исследование конкурентноспособности китайской культуры в условиях глобализации / под ред. Центральной партийной школы КПК 19 созыва. – Чжунго шидай цзинци чубаньшэ, 2004. – 382 с. – Кит. яз.

23. Цюаньцихуа юй шэхуэй фачжань лилунь яньцзю = Глобализация и общественное развитие: теоретическое исследование / под ред. Линья. – Бэйцзин : Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2006. – 212 с. – На кит. яз.

24. Чжао Ютянь. Цзухэ голи цзинчжэн юй вэньхуа чунгн = Конкурентноспособность совокупной мощи государства и культурные конфликты / Чжао Ютянь. – Чанчунь : Чанчунь чубаньшэ, 2004. – 366 с. – На кит. яз.

25. Шэхуэйчжуи шидай юй вэньхуа чуань синь = Модернизация социализма и обновление культуры / под ред. Юй Сынянь. – Бэйцзин : жэньминь чубаньшэ, 2006. – 421 с. – На кит. яз.

Complex Interpretation of «Chinese Region» as a Social-natural System

T. N. Kuchinskay, V. A. Abramov

This article is devoted to the complex idea and structural-functional research of the absolutely new phenomenon in scientific practice – the process of “Chinese region” formation.

Key words: globalization and regionalization, region, «Chinese region», social-natural systems, territorial organization of the region, regional reproduction, regional resources, regional values.

Абрамов Виктор Алексеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры востоковедения Читинского государственного университета, e-mail: abramova3@mail.ru

Кучинская Татьяна Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения Читинского государственного университета, e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru